Государственная политика в отношении христианских неправославных конфессий на Дальнем Востоке во второй половине XIX –начале XX вв.

Е.А. Мурыгина

Мурыгина Елена Анатольевна – аспирант кафедры отечественной истории Благовещенского государственного педагогического университета (БГПУ), старший преподаватель кафедры культуры Дальневосточного государственного университета (ДальГАУ) (г. Благовещенск)

Тел. 89098134544; 89246784544
E-mail: shtunda.y@mail.ru

В статье рассматриваются процессы взаимодействия государственных органов власти с христианскими религиозными конфессиями во второй половите XIX – начале XX вв. на территории России. Отдельным пунктом представлен вопрос государственной политики по отношению к неправославным религиозным организациям на Дальнем Востоке.

Государственно-конфессиональные отношения всегда были одним из важных составляющих факторов мировой политической истории. В России между церковью и государством существовала тесная взаимосвязь. Главенствующие позиции занимала русская православная церковь (РЦП). После реформ Петра I (образование Синода) РПЦ стала неотъемлемой частью государственной системы и выполняла не только религиозные функции, но и различные государственные. Например: священники производили запись актов гражданского состояния, преподавали в государственных и частных учебных заведениях, осуществляли контроль не только религиозных, но и политических прав верующего населения и др.

Положение РПЦ было закреплено законодательством Российской империи, и нарушение такового каралось по всей строгости [1]. Приоритетные позиции отражало право свободной проповеди и миссионерской деятельности среди населения страны. Никакой другой конфессии, разрешенной на территории страны, нельзя было проповедовать свое вероучение среди православных. Более того, отпадение от православия до начала XX в. было запрещено и уголовно наказуемо. Специальный раздел Уложения о наказаниях «О преступлениях против веры и о нарушениях, ограждающих оную постановлений», состоявший из 65 статей, предусматривал за данную категорию преступлений наказания от 4 месяцев тюрьмы до 15 лет каторжных работ. Действовал и особый епархиальный (консисторский) суд с достаточно широкой компетенцией [2]. Таким образом, положение неправославных религиозных конфессий в России

всегда определялось отношением к ним, прежде всего, русской православной церковью.

Христианские религиозные организации находились в более выгодном положении по отношению к некоторым нехристианским (иудаизм, мусульманство, язычество). В огромной многонациональной стране с поликонфессиональным населением существовала градация на «терпимых» и «нетерпимых». К терпимым, как правило, относили католическую, армяно-григорианскую церкви. Из протестантских конфессий к ним относили лютеран, с 1879 г. к таким стали причислять менонитов и баптистов по так называемому «Маковскому Циркуляру», в котором говорилось, что представители этих конфессий могут «беспрепятственно исповедовать свое вероучение и исполнять обряды веры по существующим у них обычаям» [3]. Но уже в 1882 г. появилось разъяснение Министерства внутренние дел, в котором отмечалось, что этот закон не распространяется на русских баптистов, а относится к иностранным подданным, проживающим в России и принявшим русское подданство, будучи баптистами, и к русским подданным, обратившимся в эту веру из неправославного исповедания. Деятельность всех иных исповеданий, относившихся к числу «гонимых и преследуемых», была запрещена.

Организационные структуры и порядок управления, права и обязанности разрешенных неправославных конфессий определялись Уставом духовных дел иностранных исповеданий [4]. Контроль за его исполнением, а также сбор необходимой отчетности возлагались на Департамент духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел (МВД). Департамент полностью контролировал деятельность церквей: увольнял «духовных лиц», если деятельность их признавалась «вредной»; контролировал духовные учреждения и монастыри, разрешал командировки и отпуска духовенства, учреждал новые приходы, давал разрешения на постройку культовых зданий и покупку недвижимости, ведал выплатой содержания духовенству и средств государственного казначейства и др. То есть неправославные организации находились в тесной связи с государством и, более того, в зависимости от него.

Все прочие раскольники и сектанты, к которым относились молокане, духоборы, штундисты, приемлющие священство, беспоповцы, прыгуны, скопцы и др. подвергались жестоким преследованиям, до начала XX в. их ссылали в отдаленные места, лишали свободы, накладывали экономические и административные санкции, лишали родительских прав и пр.

В 1883 г. 3 мая было обнародовано «Мнение Государственного совета о даровании раскольникам всех вероисповеданий права богослужения» [5]. Статья 5-я этого закона гласила: «Раскольникам дозволяется: творить общественную молитву, исполнять духовные требы и совершать богослужения по их обрядам как в частных домах, равно и в особо предназначенных для сего зданиях, с тем непременным условием, чтобы не были нарушаемы общие правила благочиния и общественного порядка» [6]. В статье 10-й говорилось: «Уставщики, наставники и другие лица,

исполняющие духовные требы у раскольников и сектантов, не подвергаются за сие преследованию, *за исключением* тех случаев, когда они окажутся виновными в распространении своих заблуждений между православными или будут уличены *в иных* преступных деяниях» [7]. Последняя статья давала почти неограниченные возможности для преследования сектантов, которые, несмотря на запреты, стремились к распространению своего вероучения. То есть, вместе с разрешением исполнять религиозные обряды, расширялись возможности для репрессий. Этой статьей пользовалась как светская, так и церковная власть. Очень часто она применялась против евангелических конфессий – штундистов, русских баптистов, пашковцев и др. [8]. К 1894 г. циркуляром министерства внутренних дел, штундисты и баптисты были занесены в разряд последователей особо вредных течений. В законе указывалось, что: «Комитет министров... находя, что в законе от 3 мая 1883 года не содержится разграничения сект на более или менее вредные, вследствие чего последователи штунды, признанной особо вредной как... Синодом, так и гражданской администрацией, не могут рассчитывать на те права и льготы, которые предоставлены обыкновенным раскольникам». Причем, к штунде до 1896 г. намеренно причисляли и баптистов.

Таким образом, практически все религиозные христианские конфессии, находящиеся в оппозиции к православию, в той или иной мере подвергались различного рода притеснениям и контролю со стороны государственной власти.

В середине XIX в. особым местом для притесняемых религиозных организаций стали Сибирь и Дальний Восток. Укрепляя свои восточные границы, Россия начинает колонизационный процесс дальневосточных рубежей.

Комитет о заселении Приамурского края (утвержденный 27 октября 1856 г.), обсуждая вопросы о переселении, акцентировал внимание на то, что увеличение населения необходимо для развития производительных сил края и предлагал ряд способов для заселения.

Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев-Амурский полагал, что надо дозволить переход на Амур лицам всех свободных состояний и даже крепостным людям, только не иначе, как на «собственную» их сечь (т. е. земельный участок) с выдачей им пособий от правительства в виде ссуд [9].

В министерстве государственных имуществ ограничивались исключительно вопросом о переселении на Амур государственных крестьян [10].

По мнению же вышеупомянутого комитета, все предлагаемые способы должны были быть приняты с некоторыми изменениями и ограничениями, лишь бы способы достигали главной цели – усиления населения этого края [11]. Также комитет рассматривал вопрос о привлечении в Амурский край к «поселению» рабочего и трудолюбивого населения [12].

Не исключалось допускать к поселению и некоторых иностранных переселенцев, преимущественно немцев, известных своим трудолюбием, посредством которых, отчасти, заселялись огромные Новороссийские степи и

переселение которых (конечно на известных условиях) могло принести пользу Амуру [13].

Много дискуссий вызвал вопрос о добровольном переселении раскольников и «сектантов», и даровании им некоторых религиозных свобод. В поддержку положительного решения этого вопроса приводились аргументы о трезвости, трудолюбии и сплоченности в религиозных общинах, что было немаловажно в суровых условиях осваиваемых территорий. Тем более, что первые ссыльные поселенцы молокан и духоборов из Таврической и Самарской губерний, прибывшие в Амурскую область в 1859 г. [14], и старообрядцы – семейские из Забайкалья, переселявшиеся по собственной инициативе в конце 50-х гг. [15]. Несмотря на все тяготы длительного сухопутного перехода и дикость края, они очень быстро освоились и обзавелись хозяйством [16].

12 июля 1860 г. император Александр II по ходатайству генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева-Амурского «…дозволил раскольникам всех сект, кроме скопцов, приписываться к обществам вновь открытых городов Амурской области и тех городов Приморской области Восточной Сибири, которые находятся на реке Амуре». Эта приписка совершалась с разрешения военных губернаторов означенных областей [17]. По закону, подобное в Российской Империи было запрещено и стало возможным только на Дальнем Востоке, исключительно для привлечения сюда переселенцев.

26 марта 1861 г. были изданы «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях» [18]. Главной их целью было привлечение в Амурский край всех тех элементов, которые могли бы содействовать экономическому его развитию. В их основы были положены начала добровольного самостоятельного переселения с правом приобретения земли в собственность. Поселенцам предоставлялся ряд существенных льгот: отвод в бесплатное пользование земельного участка в размере 100 десятин на каждое семейство, освобождение навсегда от подушной подати и от рекрутской повинности «на 10 наборов» [19]. Помимо этого закон предоставлял большие льготы для приписки к городам нового края [20], заключающиеся в освобождении от платежа по новому месту жительства всяких пошлин, государственных повинностей, от военного постоя на 10 лет [21].

Однако несмотря на широкие земельные нормы и большие льготы, движение переселенцев в Приамурский край за первые двадцать лет действия упомянутого закона шло крайне медленно, а большая часть переселенцев оседала в Амурской области. Приморская область как более удаленная от центра страны и хуже приспособленная к земледелию, осваивалась в первые годы менее интенсивно. За период с 1859 по 1882 гг. в Приамурский край переселилось 11980 крестьян. Из них в Амурскую область – 8704 души обоего пола (в среднем – 379 человек за год) [22].

Причинами такого явления явились отдаленность края от места выхода крестьян и трудности сухопутного передвижения через Сибирь. Пеший путь

до Амура порой занимал 2 – 3 – 4 года, в этом движении совершался «естественный отбор», многие не выдерживали далекого пути и оседали в районах Сибири. Только между городами Томском и Благовещенском доходили до 46% всего числа переселенцев, отправившихся на Амур [23].

Поэтому неудивительно, что в первые 20 лет заселения края большой процент прибывающих на новое место жительство (наряду с православными) составляли старообрядцы, раскольники и сектанты: духоборы молокане и прочие, выходцы из Самарской и Таврической, Тамбовской, Енисейской и Забайкальской областей. Эти люди, как известно, отличались своей энергией и религиозным фанатизмом. Привлекал их в Приамурье не столько край (в то время никому не известный), как условия жизни в нем, совпадающие с их религиозными взглядами. Земельные просторы с одной стороны, а с другой – религиозная свобода и отсутствие рекрутской повинности, это-то и было ближайшим стимулом к переселению у этих пионеров.

Позже, когда сделали железнодорожное (КВЖД, Забайкальская ж/д) и морское сообщение (специальный рейс «Одесса – Владивосток»), переселение стало менее затратным по времени и деньгам, на восток устремилось большее количество людей, которые уже расселялись в Уссурийском и Приморском краях.

По официальным данным, в Амурской области на 1886 г. процентное соотношение православных и «сектантов» составило 90:10 [24]. Как отмечала Н.М. Балалаева [25], статистика намеренно занижала число принадлежащих к иным конфессиям, поэтому, вероятнее всего, таких было более чем 10%.

Наиболее многочисленной была община молокан. Селились первые переселенцы в г. Благовещенске, деревнях: Астрахановке, Тамбовке, Толстовке, Гильчине, Сергеевской, Самарской. Являясь пионерами заселения, они, как правило, выбирали наиболее удобные места для ведения хозяйства, поближе к городу. Часто семьи подавали прошения об их разделе для того, чтобы подстраховаться на случай неурожая, затем часть переезжала в город, переводилась в мещанское и купеческое сословие и занималась предпринимательской деятельностью.

Вскоре молоканская верхушка стала влиять на всю экономическую жизнь Амурской области. А с 1883 г. – на политическую, когда сектантам были даны некоторые гражданские права, им разрешили занимать выборные должности (*молокане вошли в состав Благовещенской думы*). Еще за 11 лет до издания закона о свободе совести 1905 г. был отведен участок земли для постройки молитвенного дома молокан.

В конце XIX в. в Амурской области, а затем и Приморье, стали появляться переселенцы, исповедующие протестантизм (баптизм). Так как это вероучение относилось к «опасным», то чтобы оградить православное население от их влияния, селить их старались в отдаленные районы, чаще всего – поближе к сектантским деревням. Что, впрочем, не принесло должных результатов, и данное вероучение стало быстро распространяться.

На территорию Приамурского генерал-губернаторства устремилось большое количество приверженцев: старообрядцев, молокан, духоборов, субботников, прыгунов, штундистов, баптистов, евангелистов.

Священники РПЦ не раз привлекали внимание правительства к проблеме усиления раскола и сектантства на Дальнем Востоке [26], так как если в конце XIX в. число «сектантов» росло, в основном, за счет прибывших переселенцев-единоверцев, то позже они развернули активную евангелизационную работу среди местного населения. Это касалось первоначально молокан, которые стремились проповедовать свое учение везде, а с появлением протестантских конфессий – баптистов и адвентистов. Но в стремлении укрепить позиции России в крае правительство лояльно относилось к неправославным христианским исповеданиям. В то время, когда в центральной России существовали жестокие гонения на «уклонившихся» от православия в «сектантство», на Дальнем Востоке было разрешено жить в соответствии со своей религиозной совестью. К тому же, всем переселившимся отводили большие земельные участки, освобождали от подушной подати и от рекрутской повинности, что совершенно было невозможно в малоземельных центральных районах страны.

Высочайшим указом от 17 апреля 1905 г. был утвержден Закон «Об укреплении начал веротерпимости», он предоставил некоторые права и свободы религиозным общинам старорусских и протестантских сект, которые до этого момента не имели практически никаких официальных возможностей совершать свои религиозные обряды открыто. Теперь им разрешалось строить свои молитвенные дома [27], «отправлять духовные требы» [28], занимать общественные должности [29].

17 октября 1906 г. вышел следующий Указ – «О порядке образования и действия старообрядческих и других общин и о правах и обязанностях, входящих в состав общин последователей старообрядческих согласий и отделившихся от православия» [30]. Этот указ дал возможность для легализации на определенных условиях многих неправославных церквей. Непременным условием для регистрации общины было избрание наставника-пресвитера и утверждение его в этом звании губернскими властями. Верующие, желавшие образовать общину, должны были подать губернскому или областному правлению заявление, подписанное не менее чем пятьюдесятью лицами – учредителями. Стоимость недвижимого имущества общины не должна была превышать пяти тысяч рублей. Было оговорено, что право голоса на общих (деловых) собраниях имеют только члены общины, достигшие двадцатипятилетнего возраста. На наставников-пресвитеров также возлагалась обязанность ведения книг для записи рождений, браков и смерти, то есть чисто гражданских дел, не имеющих прямого отношения к духовной деятельности. Этим законом не замедлили воспользоваться многие сектантские общины на Дальнем Востоке. Так, в Амурской области к 1911 было зарегистрировано 6 таких общин [31].

Реакция господствующей православной церкви была неоднозначна, несмотря на то, что руководство церкви понимало необходимость закона о

свободе совести, но имело претензии по ряду вопросов, оговоренных в законе, и реализации его на местных уровнях и не раз высказывала их публично, что отражено в публикациях того периода [32].

В течение десятилетия в нормативно-правовые акты 1905 и 1906 гг., касающиеся религиозных вопросов, был внесен ряд поправок и изменений, которые обязательно циркулярно доводились до сведения губернаторов и градоначальников. В результате производившихся в министерстве внутренних дел переписок относительно порядка устройства последователями различных сектантских вероучений молитвенных и богослужебных собраний, были уточнены понятия «сектантской общины», «сектантских наставников». Основными элементами сектантской общины по закону начала XX в. признавались: легализованное законным порядком общество лиц, связанных, с одной стороны, единством исповедуемого вероучения и, с другой стороны – жительством в пределах определенной территории, общий молитвенный дом или иное предназначенное для этого помещение, избираемый обществом наставник [33].

Законодательные акты 1905 – 1906 гг. разделили религиозное делопроизводство на две части «до и после». С началом реализации этих законов количество переходов из православия в другие вероисповедания увеличилось по всей России, в том числе и на Дальнем Востоке. С 1905 по 1912 г. в России от православия в различные секты отпало 48067 человек. Наиболее многочисленной являлась секта «молокан-воскресников», в 1912 г. насчитывающая 133935 чел. Второе место по числу последователей занимали баптисты (штундисты) – 114653 чел., третье – менониты – 35970 чел. [34]. На Дальнем Востоке, в Благовещенской епархии, по данным священника противосектантской миссии о. Пантелимона Папщева, общее число сектантов в 1914 г. насчитывало 32000 человек, и наиболее численными также являлись молокане и баптисты [35].

В результате изменений в законодательстве в период с 1906 по 1917 гг. религиозные организации усилили свою миссионерскую деятельность, тем самым увеличив число своих приверженцев, и практически всем конфессиям на Дальнем Востоке удалось воссоздать традиционный для них образ жизни.

Таким образом, государственная политика по отношению к дальневосточной окраине во второй половине XIX – начале XX вв. преследовала, прежде всего, внешнеполитические цели – упрочить геополитические позиции России на Востоке. Крымская война, ослабление Китая и превращение его в экономически зависимую от европейских держав страну показали необходимость усиления российских военно-стратегических позиций на Дальнем Востоке.

Реализация внешнего политического курса позволила царскому правительству путем расширения земельного колонизационного фонда попытаться решить внутреннюю проблему малоземелья и ослабить социальное напряжение в Европейской части страны вокруг вопроса о земле в районах со значительным удельным весом помещичьих латифундий.

Стремление России в короткие сроки заселить и освоить край отразилось на религиозном составе переселенцев. И хотя численность представителей православия преобладала, и духовные потребности православных верующих стояли на первом месте, концентрация религиозных оппозиционеров на Дальнем Востоке, особенно в Амурской области, вызывала у православных священников откровенное беспокойство за свою паству, которая не всегда отличалась высокой духовностью и часто не могла противостоять убедительной евангелизации протестантских общин. Православие, являясь официальной религией государства, пользовалось его колоссальной поддержкой. Но правительство, преследуя, в первую очередь, свои цели, переселяло старообрядцев и «сектантов» сознательно (кроме «сект», признанных опасными, хотя и им на Дальнем Востоке иногда делались снисхождения), как людей, отличающихся хозяйственной хваткой, трудолюбием, трезвостью и энергией, чтобы создать определенную первичную базу для дальнейшего развития края и укрепить в крае русскоязычное население. Центральный статистический комитет в своих изданиях, выявляя процентное соотношение русского населения в крае, объединял сектантов и старообрядцев, в большинстве своем все же коренных русских людей в одну группу с православными.

Славянское население Приамурья и Приморья было сложным не только по этническому (великороссы, украинцы, белорусы), конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) и сословному (крестьяне, казаки, ссыльнопоселенцы, отставные солдаты и моряки) составу, но и региональным характеристикам мест выселения. Отличительной чертой переселенцев в восточные окраины страны являлась высокая терпимость к носителям иной веры, культуры, образа жизни.

В результате колонизационного процесса во второй половине XIX начале XX вв. на Дальнем Востоке наблюдался конфессиональный плюрализм, который отразился на развитии экономических и культурных особенностей региона.

Литература и источники:

1. Свод законов Российской империи. Кн.. 1. Т. 1. Гл. 7. – М., 1910.

2. Одинцов, М.И. Вероисповедательные реформы в Государственной думе (1906 – 1917 гг.): надежды, дискуссии и исторические уроки / М.И. Одинцов // Свобода совести в России: исторические и современные аспекты. Вып. 3. – М., 2006 /РОИР/http://www.rusoir.ru/

3. История Евангельских Христиан Баптистов в СССР. – М., 1989 г. – С. 89.

4. Свод законов Российской империи. Кн. 3 Ч. 1. Т. XI. – М., 1910.

5. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д.7. – Л. 97, 97 об.

6. Там же. Л. 97, 97 об.

7. Там же. Л. 97, 97 об.

8. Пругавин, А.С. Раскол сверху: очерки религиозных исканий в привилегированной среде. – СПб., 1909 г. – С. 201 – 204.

9. РГИА ДВ. – Ф. 701. – ОП 1. – Д. 116. – Л. 2.

10. РГИА ДВ. – Ф. 701. – ОП 1. – Д. 116. – Л. 2.

11. РГИА ДВ. – Ф. 701. – ОП 1. – Д. 116. – Л. 3 об.

12. РГИА ДВ. – Ф. 701. – ОП 1. – Д. 116. – Л. 3 об.

13. РГИА ДВ. – Ф. 701. – ОП 1. – Д. 116. – Л. 4.

14, 25. Балалаева, Н.М. О переселении молокан в Амурскую область / Н.М. Балалаева // Ученые записки ХГПИ. Серия историческая. Т. 16. – Хабаровск, 1968. – С. 24.

15. Болонев, Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. / Ф.Ф. Болонев. – Новосибирск, 1994. – С. 73-74

16. Амурский переселенческий район 1914 г. – Благовещенск, 1914. – С. 15.

17. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856 – 1861 гг. –Владивосток: РГИА ДВ, 2002 г. – С. 189.

18. Правила просуществовали с некоторыми изменениями, последовавшими в 1882 и 1892 гг., до 1901 г.

19. Дальний Восток России в материалах законодательства. 1856 – 1861 гг. –Владивосток: РГИА ДВ, 2002 г. – С. 189.

20. Льготы по приписке к городам Приамурья действовали до 1886 г.

21 – 23. Г. У. З.и З. Переселенческое управление. Обзор земледельческой колонизации Амурской области. – Благовещенск, 1915 г. – С. 110, 111, 116.

24. РГИА ДВ. – Ф. 704. – ОП 1. – Д. 181. – Л. 48 об.

26. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д. 7.

27. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп 3. – Д 99. – Л. 135 – 138; Ф. 702. – Оп 3. – Д 63; Ф702. – Оп 1. – Д. 670. – Л. 16 а.

28. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д.7. – Л. 34; Ф 702. – Оп. 3. – Д. 99. – Л. 161.

29. РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 3. – Д.7. – Л. 48

30. РГИА ДВ. – Ф. 704. – Оп. 7. – Д.641. – Л. 7

31. РГИА ДВ. – Ф. 704. – Оп. 7. – Д. 648. – Л. 101 – 102.

32. // Благовещенские епархиальные ведомости, 1908 г. – №5; // Голос Св. Синода в защиту православной церкви в России. – С. 99 – 102; // Благовещенские епархиальные ведомости, 1908 г. – №15. Отдел неофициальный. «Веротерпимость». – С. 306 – 321.

33. РГИА ДВ. – Ф. 704. – Оп. 1. – Д.493. – С. 31, 31 об.

34. ГААО // Благовещенские епархиальные вести. – 1915 г. – №1. – С. 34 – 35.

35. ГААО // Благовещенские епархиальные вести. – 1915 г. – №4. – С. 100.